

УДК 342.9

**ПРАВОВАЯ ПРИРОДА РЕКВИЗИЦИИ И КОНФИСКАЦИИ КАК
ОСНОВАНИЙ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ПРЕКРАЩЕНИЯ ПРАВА
СОБСТВЕННОСТИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ****Монгуш Чаяна Чечек-ооловна,**

студент магистратуры

ФГБОУ ВО «Тувинский государственный университет»

Dongak9595@mail.ru

Аннотация

В статье проводится сравнительно-правовой анализ реквизиции и конфискации как способов принудительного прекращения права собственности. Исследуется их правовая природа, место в системе юридических фактов, отраслевая принадлежность, а также цели и основания применения. На основе анализа законодательства, доктринальных источников и судебной практики формулируются критерии разграничения данных институтов, а также выявляются их общие черты как форм публично-правового вмешательства в сферу частных имущественных интересов. Особое внимание уделяется межотраслевому характеру конфискации и ее трансформации в современном праве.

Ключевые слова: право собственности, принудительное прекращение, реквизиция, конфискация, публичный интерес, санкция, компенсация, межотраслевой институт.

**THE LEGAL NATURE OF REQUISITION AND CONFISCATION AS
GROUNDS FOR THE COMPULSORY TERMINATION OF PROPERTY
RIGHTS: A COMPARATIVE ANALYSIS****Mongush Chayana Chechek-oolovna,**

is a graduate student

Tuvan State University

ABSTRACT

The article provides a comparative legal analysis of requisition and confiscation as ways of compulsory termination of property rights. Their legal nature, place in the system of legal facts, industry affiliation, as well as goals and grounds for application are investigated. Based on the analysis of legislation, doctrinal sources and judicial practice, criteria for distinguishing these institutions are formulated, as well as their common features as forms of public law interference in the sphere of private property interests are identified. Special attention is paid to the intersectoral nature of confiscation and its transformation in modern law.

Keywords: property right, compulsory termination, requisition, confiscation, public interest, sanction, compensation, intersectoral institution.

Право собственности, будучи одним из фундаментальных институтов гражданского права, традиционно рассматривается как наиболее полное господство лица над вещью, ограниченное лишь рамками закона и интересами общества. Вместе с тем, в ряде случаев публичные интересы могут потребовать принудительного прекращения этого права у конкретного субъекта. Среди оснований такого прекращения, закрепленных в главе 15 Гражданского кодекса Российской Федерации [1], особое место занимают реквизиция и конфискация. Данные институты объединяет то, что изъятие имущества происходит помимо воли собственника, однако их правовая природа, цели и основания применения кардинально различаются. Смешение этих понятий, встречающееся как в обыденном правосознании, так и, к сожалению, иногда в правоприменительной практике, требует четкого доктринального разграничения, основанного на анализе их сущностных характеристик.

Актуальность сравнительного анализа этих институтов обусловлена несколькими факторами. Во-первых, как отмечается в современной литературе, «для национализации характерен правовой вакуум и ее подмена иными механизмами; для конфискации — рассредоточенность норм и «шаблонное» применение; для реквизиции — фрагментарность регулирования и спорные вопросы определения размера компенсации». Во-вторых, в условиях современных вызовов, связанных с необходимостью оперативного реагирования государства на чрезвычайные ситуации, с одной стороны, и противодействия преступности, с другой, четкое понимание правовой природы этих институтов становится не только теоретической, но и сугубо практической задачей.

Реквизиция представляет собой уникальный правовой институт, занимающий пограничное положение между частноправовым и публично-правовым регулированием. Статья 242 ГК РФ определяет реквизицию как изъятие имущества у собственника в случаях стихийных бедствий, аварий, эпидемий, эпизоотий и при иных обстоятельствах, носящих чрезвычайный характер, производимое по решению государственных органов в порядке и на условиях, установленных законом, с выплатой ему стоимости имущества. Данное определение позволяет выделить несколько ключевых характеристик, определяющих правовую природу реквизиции [1].

Прежде всего, реквизиция является правомерным действием государства, осуществляемым в публичных интересах, что коренным образом отличает ее от деликта. Государство, действуя в лице уполномоченных органов, не нарушает закон, а, напротив, реализует предоставленные ему законом полномочия. При этом публичный интерес, лежащий в основе реквизиции, носит особый характер: он связан не с плановым развитием экономики или социальной сферы, а с необходимостью экстренного реагирования на чрезвычайные обстоятельства. Именно этот чрезвычайный характер придает реквизиции свойство исключительности, не позволяя рассматривать ее в качестве ординарного способа перераспределения имущественных благ [4, с. 25].

В цивилистической доктрине правовая природа реквизиции оценивается неоднозначно. Ряд исследователей рассматривает ее как разновидность обязательства, возникающего из правомерных действий государственных органов. Другие, и эта позиция представляется более обоснованной, квалифицируют реквизицию как самостоятельное основание прекращения права собственности, обладающее сложной юридической природой, сочетающей элементы как публичного, так и частного права [7].

Ключевой характеристикой реквизиции, определяющей ее правовую природу, является возмездность. В отличие от конфискации, реквизиция предполагает обязательную

выплату собственнику стоимости изъятого имущества. Это сближает ее с такими гражданско-правовыми институтами, как купля-продажа и возмещение убытков, однако имеет принципиальные отличия. При реквизиции отсутствует добровольное волеизъявление собственника на отчуждение имущества, что исключает возможность применения к ней договорных конструкций. Компенсационный механизм реквизиции призван обеспечить баланс между публичными интересами, требующими изъятия имущества, и частными интересами собственника, защищенными конституционными гарантиями неприкосновенности собственности [5, с. 118].

Необходимо дополнительно отметить, что норма, закрепленная в п. 3 ст. 242 ГК РФ, закрепляет за прежним правообладателем возможность истребовать обратно уцелевшее имущество после того, как прекратили свое действие обстоятельства чрезвычайного характера. Данная законодательная конструкция акцентирует временную и вынужденную сущность реквизиционного механизма, ориентированного на обеспечение гарантий правового положения собственника в пределах, не противоречащих общественному интересу [1].

Что касается конфискационной процедуры, то она представляет собой правовое явление, отличающееся гораздо большей степенью сложности и наличием внутренних противоречий. В соответствии со ст. 243 ГК РФ, под конфискацией понимается производимое на безвозмездной основе отчуждение имущественных объектов у владельца на основании судебного акта, применяемое в качестве меры ответственности за уголовное деяние либо иное правонарушение. Исходя из приведенной законодательной дефиниции, можно заключить, что конфискация, в противовес реквизиции, обладает отчетливо выраженной штрафной (карательной) функцией и находится в неразрывной взаимосвязи с институциональными основами юридической ответственности [1].

Юридическая сущность конфискации детерминирована её отчетливо выраженной междисциплинарной двойственностью. В научной доктрине указывается на «межотраслевую правовую природу конфискации имущества», которая выражается в её одновременном функционировании и как цивилистического института (в качестве основания для прекращения вещного права), и как инструмента уголовной либо административной репрессии. Наряду с этим, как акцентирует внимание А.М. Зарина, конфискационной мере присуща «восстановительная направленность», что выделяет её среди классических форм наказания. Данное суждение видится фундаментально значимым для уяснения актуальной доктрины конфискации [5, с. 118].

Нормативное положение, закрепленное в ст. 104.1 УК РФ, трактует конфискацию как осуществляемое в принудительном порядке безвозмездное отчуждение и переход в государственную собственность на основании обвинительного судебного акта следующих категорий объектов: имущественных ценностей, приобретенных вследствие преступной деятельности; доходов, извлеченных из использования такого имущества; а также инструментов и прочих средств, задействованных при совершении противоправного деяния. Приведенная законодательная формулировка позволяет выявить кардинальное различие между уголовно-правовой и цивилистической моделями конфискации. Если в первом случае речь идет о принудительном изъятии строго определенных имущественных объектов, имеющих непосредственную корреляцию с преступлением, то во втором — о генеральном основании аннулирования вещного права, применяемом в качестве санкционной реакции на деликт [2].

В отрасли административного законодательства конфискационная мера позиционируется как разновидность административных взысканий и регламентируется нормами статьи 3.7 Кодекса об административных правонарушениях РФ [3]. Одновременно с этим законодатель особо оговаривает, что к конфискации не может быть отнесено изъятие из неправомерного владения правонарушителя орудий или предметов административного

проступка, если таковые подлежат возврату законному правообладателю. Аналогичным образом не квалифицируется как конфискация изъятие объектов, ограниченных в обороте либо находившихся в незаконном владении. Подобная дифференциация имеет принципиальное теоретическое и практическое значение, поскольку позволяет четко разграничить конфискацию как меру юридической ответственности и иные формы административно-принудительного воздействия [6, с. 57].

Таким образом, конфискация в современном российском праве представляет собой многогранный правовой институт, который не может быть сведен к какой-либо одной отраслевой модели. Она сочетает в себе элементы гражданско-правового способа прекращения права собственности, уголовно-правовой меры воздействия и административного наказания, что делает ее уникальным межотраслевым феноменом.

Сравнительный анализ правовой природы реквизиции и конфискации позволяет выделить несколько фундаментальных критериев их разграничения, каждый из которых отражает сущностные особенности этих институтов.

Первым и наиболее значимым критерием выступает цель применения соответствующей меры. Реквизиция направлена на удовлетворение публичных интересов в условиях чрезвычайных обстоятельств, то есть ее цель носит обеспечительный, а не карательный характер. Государство, осуществляя реквизицию, не преследует цели наказать собственника, а лишь стремится предотвратить или минимизировать негативные последствия чрезвычайной ситуации. Конфискация, напротив, является санкцией за совершенное правонарушение и преследует цели наказания виновного лица, предупреждения совершения новых правонарушений и восстановления социальной справедливости. Как справедливо отмечается в комментарии к статье 243 ГК РФ, конфискация «имеет основной целью не смену собственника имущества, а возникновение негативных последствий в виде изъятия имущества как санкции за совершенное правонарушение».

Реквизиция всегда носит возмездный характер: собственнику выплачивается стоимость изъятых объектов. Это сближает реквизицию с выкупом, хотя и производимым в принудительном порядке. Конфискация же, напротив, осуществляется безвозмездно, что подчеркивает ее карательный характер. Имущество изымается у собственника без какой-либо компенсации, что является прямым следствием противоправного поведения самого собственника [8].

Для реквизиции таким основанием служат обстоятельства чрезвычайного характера, не зависящие от воли и поведения собственника. Это могут быть стихийные бедствия, аварии, эпидемии, а также иные обстоятельства, создающие угрозу общественной безопасности. Для конфискации основанием является совершение собственником преступления или иного правонарушения, то есть его виновное противоправное поведение. Данный критерий имеет принципиальное значение, поскольку позволяет отграничить меры публичной необходимости от мер юридической ответственности.

Процедура реквизиции инициируется на основании административного акта, издаваемого компетентным государственным органом, при этом нормативная база допускает последующее судебное обжалование стоимостного эквивалента назначенной компенсационной выплаты. В противоположность этому конфискационные мероприятия, следуя генеральному правилу, имплементируются исключительно через судебные инстанции, что выступает существенной гарантией соблюдения имущественных прав индивида. Пункт 2 статьи 243 ГК РФ допускает внесудебный (административный) порядок конфискации только в строго очерченных законодателем случаях, оставляя за субъектом право на оспаривание подобного вердикта в судебном порядке.

Правовой статус владельца при реквизиционном отчуждении трактуется как положение лица, вынужденно поступившегося принадлежащими ему благами в интересах

социума, что компенсируется правом на соразмерное возмещение и реституцию уцелевшей части активов. Конфискация же моделирует ситуацию, при которой собственник идентифицируется как деликтоспособный нарушитель, подвергаемый карательной имущественной мере. Подобная дифференциация правовых статусов детерминирует и существенный разрыв в объеме предоставляемых правообладателю юридических предпочтений.

При реквизиции материальные ценности переходят под контроль публичного субъекта для достижения общественно значимых задач, однако после устранения экстраординарных условий прежний титульный владелец сохраняет правопритязание на их возврат, реализуемое в исковом производстве. Конфискационная процедура, напротив, предполагает необратимый характер отчуждения в доход казны, вследствие чего первоначальный собственник утрачивает весь спектр правомочий на изъятые объекты.

Вопреки выявленным сущностным отличиям, анализируемые правовые конструкции обладают рядом имманентных сходств, позволяющих объединить их в рамках единой категории принудительного аннулирования вещных прав. Во-первых, оба института опосредуют публично-властное вторжение в сферу частноправовых отношений собственности. Во-вторых, отторжение имущественных благ в обоих случаях осуществляется в императивном порядке, игнорируя волеизъявление титульного владельца, что обеспечивается обязательностью актов уполномоченных государственных структур. В-третьих, и реквизиция, и конфискация выступают правопорождающими юридическими фактами для возникновения права государственной собственности, обуславливая трансфер вещных прав от частного субъекта к публичному образованию. Указанный аспект видится значимым для корректного позиционирования данных механизмов в системе цивилистических вещно-правовых институтов.

Отдельного внимания заслуживает проблема диффузии границ между рассматриваемыми явлениями. В юридической доктрине констатируется, что «при наличии вины реквизиционный механизм фактически сближается с конфискационным». Подобная коллизия возникает при условии, что чрезвычайная ситуация явилась следствием неправомерных деяний самого владельца, вследствие чего реквизиция начинает функционировать де-факто как карательная реакция на деликт. В такого рода казусах принципиальное значение обретает корректная идентификация правовой сущности применяемой меры и соблюдение надлежащих процессуальных гарантий.

В актуальной правоприменительной парадигме отсутствует унифицированный алгоритм изъятия активов из нелегитимного владения. Судебные органы устанавливают генезис приобретения имущественных объектов, опираясь на документальную базу, свидетельские показания и объяснения фигурантов. Только документально верифицированная принадлежность спорного имущества осужденному лицу служит бесспорным основанием для его конфискации. В то же время, в случае юридической регистрации активов на родственников осужденного их изъятие в пользу государства при отсутствии согласия указанных лиц сопряжено со значительными практическими затруднениями. Здесь эксплицируется и обратная сторона данной меры: существует риск отчуждения имущества, не подлежащего конфискации, поскольку из совокупной имущественной массы третьих лиц проблематично корректно выделить активы, принадлежащие должнику. Следствием обозначенных обстоятельств становится ситуация, при которой, несмотря на доказанность криминального происхождения имущества, потенциал его конфискации оказывается лимитированным. Дополнительным фактором негативного характера выступают судебные погрешности при применении указанной санкции, нередко продуцирующие нарушения прав и легитимных интересов должников.

Подводя итог проведенному сравнительному анализу правовой природы реквизиции и конфискации как оснований принудительного прекращения права

собственности, можно сформулировать ряд обобщающих выводов. Реквизиция и конфискация, несмотря на внешнее сходство как способов принудительного изъятия имущества, имеют принципиально различную правовую природу. Реквизиция представляет собой правомерное действие государства, направленное на предотвращение или устранение последствий чрезвычайных обстоятельств, и носит возмездный характер. Конфискация же является санкцией за совершенное правонарушение, применяемой в целях наказания виновного лица и предупреждения новых правонарушений, и осуществляется на безвозмездной основе.

Различия в правовой природе этих институтов обуславливают и различия в основаниях их применения, процессуальном порядке, правовом положении собственника и судьбе изъятых имущества. Вместе с тем, оба института объединяет то, что они служат формами публично-правового вмешательства в частные имущественные отношения и выступают основаниями перехода права собственности к государству.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.03.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 02.05.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1).
4. Богданов Е. В. Проблемы принудительного изъятия государством объектов частной собственности посредством реквизиции, конфискации и национализации по гражданскому законодательству России / Е. В. Богданов // Lex russica. – 2020. – Т. 73. – № 2. – С. 25-32.
5. Зарина А. М. О правовой природе конфискации имущества / А. М. Зарина // Современное право. – 2025. – № 2. – С. 118-121.
6. Налетов К. И. Правовые формы прекращения государством права собственности и других имущественных прав в одностороннем порядке в правопорядках России и иностранных государств / К.И. Налетов // JZSP. – 2025. – № 6. – С. 57-70.
7. Наурбиева Ф.Х. Пути совершенствования правового регулирования конфискации имущества в призме юридической техники / Ф.Х. Наурбиева // Вестник Академии права и управления. – 2023. – №3 (73). – С. 67-70.
8. Свидский Н. С. Проблемы и перспективы исполнительного производства по конфискации имущества / Н. С. Свидский // Пробелы в российском законодательстве. – 2025. – №1. – С. 101-107.

References:

1. The Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994, No. 51-FZ (as amended on March 25, 2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1994. – No. 32. – Art. 3301.
2. The Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996, No. 63-FZ (as amended on April 9, 2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 25. – Art. 2954.

3. The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses dated December 30, 2001, No. 195-FZ (as amended on May 2, 2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 1 (part 1).
4. Bogdanov E. V. Problems of the State's Forced Seizure of Private Property Objects through Requisition, Confiscation, and Nationalization under Russian Civil Law / E. V. Bogdanov // Lex russica. – 2020. – Vol. 73. – No. 2. – Pp. 25-32.
5. Zarina A. M. On the Legal Nature of Property Confiscation / A. M. Zarina // Modern Law. – 2025. – No. 2. – pp. 118-121.
6. Naletov K. I. Legal forms of termination by the state of property rights and other property rights unilaterally in the legal systems of Russia and foreign countries / K.I. Naletov // JZSP. – 2025. – No. 6. – pp. 57-70.
7. Naurbieva F.H. Ways to improve the legal regulation of property confiscation in the prism of legal technology / F.H. Naurbieva // Bulletin of the Academy of Law and Management. – 2023. – No. 3 (73). – Pp. 67-70.
8. Svidsky N. S. Problems and prospects of enforcement proceedings regarding the confiscation of property / N. S. Svidsky // Gaps in Russian Legislation. – 2025. – No. 1. – Pp. 101-107.